

ваны, как распространяются властные амбиции и за счет каких именно объектов предполагается реализовать власть.

Язык П.д. специфичен семантической неопределенностью, эзотеричностью, идеологической полисемией, сложностью значений лексики, использованием эмоционально-возвышенной лексики, что в своей совокупности позволяет адресантам манипулировать со смыслом высказываний и объективировать субъективно-коннотативные значения. С когнитивной точки зрения П.д. характерен использованием не строго определенных понятий, оценкой истинности высказываний на основе их авторства и соответствия идеологической точке зрения, а также скорее конструирующим, чем воспроизводящим типом познания.

В политической дискурсивной практике используется широкий спектр текстов: с одной стороны, нарративные, декларативные, референциальные, а с другой – художественные, публицистические, научные тексты используются политическими агентами в качестве инструмента воздействия на сознание и опыт реципиента.

Контексты П.д. в значительной степени образованы прецедентными текстами, что обусловливается необходимостью воспроизводства власти: идентификация адресатом ключевых категорий возможна за счет наличия их в опыте чтения аналогичных текстов. Конструирование знания в

политической дискурсивной практике происходит в контексте конкретных действий в определенном хронотопе и связано с жизненным миром и смысло-жизненными ориентирами коммуникантов. Отличительной особенностью коммуникативного контекста П.д. является его массовость и неопределенность границ коммуникантов.

В целом П.д. направлен не столько на объективную репрезентацию действительности, сколько на конструирование особого типа реальности в соответствии с властными интенциями и амбициями. Политическая дискурсивная практика организуется таким образом, что неопределенность и неточность ее ключевых категорий, объектов и потенциальной аудитории способствует включению в ее поле все большего числа индивидов. П.д. оперирует богатыми языковыми, когнитивными, коммуникативными инструментами, что дает возможность политическим субъектам возможность вуалировать базовую цель достижения и удержания власти.

Литература:

Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: Гнозис, 2004; Русакова О.Ф. Дискурс, политический дискурс, политическая дискурсология // Многообразие политического дискурса. – Екатеринбург, 2004; Макаренко В.П. Политическая концептология. – М.: Праксис, 2005; Wodak R. Disorders of discourse. – L., N.Y., 1996.

Е.А. Кожемякин

Е.А. Кожемякин, Е.А. Кротков (Белгород)

ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС

Философский дискурс. «Странности» Ф.д. начинаются с семантики терминов его тезауруса, таких, к примеру, как «бытие», «дух», «субстанция», «знание», «истина», etc. Универсумом Ф.д. не является множество индивидов (предметов), наличие которого постулируется системой логического анализа языка. Его концепты не принадлежат к разряду конкретно-научных понятий: для языка философии не типичны общие высказывания. К примеру, логическая форма высказывания «Человек – разумное существо» не эквивалентна результату его формально-логической реконструкции в языке традиционной силлогистики «Все *S* суть *P*». Иногда полагают: слово «человек» в философском контексте представляет «человека как

такового», «человека вообще», «сущностного человека», а не действительных (конкретных) людей. В этом плане философские концепты аналогичны по своей природе идеально-типическим образованиями. Идеальный тип «не дает... изображения действительности, но представляет необходимые для этого средства выражения» (М.Вебер).

Ф.д. конструирует категориальное пространство мышления-говoreния о мире, о положении и роли человеке в нем, и «координатами» этого пространства являются предельно общие понятия – категории, или концепты. Имея статус «несущих конструкций», сетка этих категорий является априорным (предпосылочным) условием возможности нефилософского (предметно-содер-

жательного) дискурса. Каждая значительная философия задает свою категориальную «геометрию» мышления, перестраивает предшествующую, вводя в неё новые концепты. Так, Платон ввел координатную систему, в которой эмпирические объекты обрели сверхприродное онтологическое основание. Р.Декарт своим *cogito* «перелицевал» эпистемологические координаты объективного, субъективного и достоверного: достоверность субъективно данного (т.е. мышления) оказалась в них условием признания существования внешнего мира. И.Кант реконструировал новоевропейское мышление введением координат «ноуменальное – феноменальное», «аналитическое – синтетическое», «априорное – апостериорное». В этом и состоит одна из задач философии: формировать концепты (Ж.Делез, Ф.Гваттари); создавать принципиально новые категориальные смыслы (В.С.Степин); выделять разнообразные «планы» (аспекты) бытия и познания (природный – культурогенный, материальный – духовный, чувственный – рациональный, сущий – должный, и т.п.).

Авторский философский текст во многом представляет собой реакцию («ответ») на тематически близкие тексты, созданные ранее другими философами. Этот ответ может состоять в частичной идентификации с содержанием «внешнего» текста, в ассимиляции его проблемного поля, либо в полном дистанцировании от него. Фрагменты предпосылочных текстов приобретают в авторском тексте нередко иной (иногда – противоположный) смысл, в их содержании может измениться акцентуация (что было несущественным, становится главным, или наоборот). Одна из целей имплантирования части чужого текста в авторский состоит в использовании ее в качестве аргумента к авторитету.

Изложенное дает основание для выделения двух типов философской аргументации: монологовой и диалоговой. Доводы в монологовой стилизации имеют своей интенцией содержание создаваемых философских концептов («Истина аподиктических суждений имеет внеопытное происхождение, ибо опыт, в силу его конечности...»). Доводы в диалоговой стилизации обычно формулируются в виде пропозициональных установок («Уже Лейбниц полагал, что истина аподиктических суждений имеет внеопытное происхождение...»), причем автор интерпретирует содержащиеся в них высказывания таким образом, чтобы их смысл можно было

либо частично идентифицировать со своей точкой зрения, либо превратить в объект для критики.

Далее, авторский текст строится с учетом виртуальной встречной позиции, т.е. возможной реакции на него других философов. Автор «просчитывает» возможные *pro* и *contra*, иногда специально инсценируя диалоги «филонусов» с «гиласами», или же вступает в диалог с безликими возможными оппонентами («Мне могут возразить, что...») и единомышленниками («Меня поймут те, кто...»), попутно разъясняя и уточняя свою позицию. Это способствует обретению создаваемым текстом «иммунитета» от возможной критики и «позволяет контролировать то, что не поддается контролю, а именно будущую рецепцию» авторского текста (Дж. Уэйт).

Наконец, автор текста не отдает себя на «полную и окончательную волю наличным и близким адресатам», апеллируя к некоему «наадресату» (М.М.Бахтин). Консонанс *ratio* философа с его *existentia* – в этом мы усматриваем данную «диалогему» авторского мировоззренческого дискурса. Не без оснований В. Дильтей считал «великие жизненные настроения» (««жизнеощущение», «чувство жизни»), такие, к примеру, как оптимизм и пессимизм, фундаментом, «подпочвой развивающихся на их основе мировоззрений». Психологическое объяснение такого рода «фундированности» метафизических построений содержится в известном положении Л.С.Выготского о том, что «мысль рождается... из мотивирующей сферы нашего сознания, которая охватывает наше влечение и потребности, наши интересы и побуждения, наши аффекты и эмоции».

Различия в «жизнеощущениях» авторов мировоззренческих дискурсов находятся в коррелятивной связи с фактом разнообразия достаточно развитых мировоззрений, вступающих, по выражению В.Дильтея, «в борьбу между собой за власть над душой». По этой причине не существует аргументативного преимущества ни у одной из мировоззренческих позиций, поскольку картина «мира в целом» – сугубо метафизический конструкт, и лишь какие-то его фрагменты заимствованы из дискурса повседневности и научных знаний, однако и они достаточно вольным образом вынесены за границы верификационного потенциала человечества. В подобных вещах «не так много значит мудрствование, как искреннее признание

бессилия нашего разума» (И.Кант). В этой связи мысль о том, что в споре рождается истина, менее всего может быть отнесена к Ф.д. Спор уместен разве что между приверженцами одной и той же философской доктрины, т. е. внутри «школы», что позволяет уточнить и сделать более прозрачными ее фундаментальные идеи и принципы, но крайне редко приводит к отказу от них или же их существенному изменению.

«Несоизмеримость» конкурирующих Ф.д. объясняет тот факт, что историко-философский процесс не привел к возникновению некоего «унитарного», т.е. общепризнанного теоретического мировоззрения, сравнимого, скажем, с естественнонаучным воззрением на мир. Последнее, разумеется, время от времени существенно изменяется, однако приходящая на смену новая картина мира аккумулирует (усваивает, перерабатывает) своих предшественников таким образом, что обращение к ним становится уместным лишь в историческом плане. В отношении философских мировоззренческих систем ситуация существенно иная: каждая из них, созданных в прошлом, может оказаться востребованной в неменьшей степени, чем те, которые по времени номинируются как современные.

Плюрализм как атрибут Ф.д. не означает, что в нем «допустимо все». Важнейшим (хотя и не единственным) ориентиром для Ф.д. как рацио-

нального предприятия является его дефинитивная корректность («прозрачность» смыслового значения) и логическая когерентность. «Общий язык разума следует использовать, так сказать, без шифров, использовать, прежде всего, как средство рациональной коммуникации» (К.Поппер). Однако дефинитивная корректность и логическая когерентность не устраняют контrovers в отношениях между философскими учениями. Как правило, философ создает свои тексты не для того, чтобы переубедить (опровергнуть) оппонентов: аргументы в его дискурсе призваны восполнять, разъяснять содержание его философских убеждений либо демонстрировать их несовместимость с иными убеждениями.

Литература:

Вебер М. Объективность познания в области социальных наук и социальной политики / Культурология. XX век. М., 1995. С. 580-5581. Уэйт Дж. Политическая онтология // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М., 1991. С. 192. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 289. С.323. Дильтей В. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах // Культурология. XX век. Антология. С.220, 225. Выготский Л.С. Педагогическая психология. М., 1991. С. 33. Кант И. Трактаты и письма. М., 1980. С.73. Кротков Е.А., Носова Т.В. О природе философского (метафизического) дискурса // Эпистемология и философия науки. № 3, 2009. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т.2. М., 1992. С. 37.

Е.А. Кожемякин, Е.А. Кротков

Е.А. Кротков (Белгород)

ИДЕНТИФИЦИРОВАНИЕ

Идентифицирование. Этот вид научного рассуждения характерен для многих когнитивных практик. И. применяется в поисковой деятельности литературоведа, решающего задачу установления личности автора произведения художественной литературы, под которым стоит подпись вымышленного лица; историка, устанавливающего личность известного участника исторического события, отметившегося в нем под вымышленным именем; следователя, разыскивающего скрывшееся с места преступления лицо, совершившее это преступление, и т.д.

Вопрос, которым направляется И., формулируется так: «Какой из ранее выделенных объектов b_1, \dots, b_n является идентичным искомому

объекту a ?». Номологической посылкой умозаключения такого рассуждения является высказывание, имеющее следующее логическое содержание: $\forall x (Yx \supset (x \equiv a))$, т.е. «Любой объект x , имеющий признак индивидуальной идентичности Yx , является тем же, что и объект a ». В эпистемологическом плане оно означает, что объект a , сохраняя свою идентичность, т.е. идентификационное свойство Y , может, тем не менее, предстать в разных контекстах своего существования (временных, пространственных, биологических, социальных и т.п.) как другой объект, утрачивая при этом какие-то одни свойства и приобретая другие. Идентифицирование индивидуальности,